

Проблема применения доктрины «снятия корпоративной вуали»

А. С. Акопджаниян

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: astepanovna1994@mail.ru

The Application Problem of the Doctrine of «Piercing the Corporate Veil»

A. S. Akopdzhanyan

Fourth-year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: astepanovna1994@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена одной из самых обсуждаемых проблем в науке современного частного права – вопросу о самостоятельности юридической личности в различных случаях. В данной работе рассмотрены наиболее важные судебные дела в рамках доктрины «снятия корпоративной вуали» и подходы судов к разрешению споров о привлечении к ответственности лиц, контролирующих деятельность юридического лица. Статья освещает те причины, которые тем или иным способом повлияли на разное применение данной доктрины в системе общего права и статутного права. В статье выносятся на обсуждение тезис о том, что следует учитывать правовую природу юридического лица как отдельного субъекта гражданско-правовых отношений при использовании доктрины «снятия корпоративной вуали» для того, чтобы избежать отрицательных последствий при формировании имущественного оборота. В статье также представлен сравнительный анализ нормативного регулирования отношений, связанных с применением доктрины «снятия корпоративной вуали», в России и в некоторых странах общего права. Рассматриваются отдельные судебные дела, исследование которых связан с рассматриваемой тематикой.

Ключевые слова: ограниченная ответственность, снятие корпоративной вуали, пренебрежение корпоративной индивидуальностью, проникающая ответственность, «теория фикции» юридического лица, недостаточность капитализации, объединение имущества юридического лица и имущества его участников, отношения контроля и зависимости, вменение в вину.

Abstract

This article is devoted to one of the most discussed problems in the science of modern private law – the issue of the independence of the legal personality in various cases. This paper describes the most important court cases in the framework of the doctrine of "lifting the corporate veil" and the approaches of the courts to the resolution of disputes on the prosecution of persons controlling the activity of a legal entity. The article highlights the reasons that in one way or another influenced the different application of this doctrine in the system of common law and statutory law. The article discusses the thesis that it is necessary to take into account the legal nature of the legal entity as a separate subject of civil law relations when using the doctrine of "lifting the corporate veil" in order to avoid negative consequences in the formation of property turnover. This article is devoted to a comparative analysis of the normative regulation of relations related to connected with the application of the doctrine of "lifting the corporate veil" in Russia and in some countries of common law. Separate court cases are considered, the analysis of which is related to the subject matter under consideration.

Keywords: limited liability, lifting of corporate veils, neglect of corporate identity, penetrating responsibility, "fiction theory" of a legal entity, Insufficiency of capitalization, unification of property of a legal entity and property of its participants, relations of control and dependence, imputation.

Настоящий период развития рыночных отношений в Российской Федерации связан с активным созданием таких субъектов имуще-

ственного оборота, как хозяйственные общест-ва. При этом в качестве безоговорочного принципа деятельности таких субъектов вы-

ступает правило о том, что юридическое лицо не отвечает по долгам участников общества и наоборот.

Именно это правило способствует тому, что корпоративная форма организации имеет такое распространение. Однако принцип ограниченной ответственности участников по долгам юридического лица может нарушить права кредиторов, что вызовет дисбаланс интересов участников гражданско-правовых отношений. Инструментом для установления разумного распределения рисков между участниками юридического лица и кредиторами является доктрина «снятия корпоративной вуали».

Эта доктрина предполагает возможность распространения ответственности по долгам юридического лица на его участников. Применение данного правила должно быть законодательно ограничено, так как существование юридического лица в качестве отдельного субъекта окажется под угрозой.

Сама доктрина «снятия корпоративной вуали» появилась в рамках англо-саксонской системы права и получила в ней широкое распространение. Романо-германской системе права данная доктрина в том ее виде, в котором она существует в системе общего права, неизвестна, но практика показывает, что основания для применения указанной доктрины имеют место и в странах романо-германской системы права. Разные подходы к указанной доктрине в приведенных правовых системах обусловлены тем, что они располагают различными друг от друга правовыми институтами, служащими для установления баланса интересов участников общества и его кредиторов.

В целях исследования доктрины «снятия корпоративной вуали» необходимо рассмотреть начальный этап ее формирования.

Как уже было сказано, данная доктрина появилась впервые в англо-саксонской системе права, и отправной точкой ее развития стало дело *Salomon v. Salomon* (1897) [13].

Согласно материалам данного дела, после создания обувной мастерской Аарон Саломон совместно с родственниками учредил обувную компанию в целях развития своего бизнеса. Однако попытка оказалась неудачной: указанная деятельность привела к банкротству. Именно в рамках дела о банкротстве

на Аарона Саломона была возложена ответственность по долгам компании на основании его статуса мажоритарного акционера.

Суд первой инстанции вынес решение, согласно которому юридическое лицо не может действовать без решения создавших и контролирующих его лиц. Соответственно, юридическое лицо должно рассматриваться в купе с лицами, его контролирующими. Поэтому нужно «прокалывать» корпоративную вуаль с целью привлечения участников к ответственности по долгам юридического лица для удовлетворения требований кредиторов.

Суд апелляционной инстанции поддержал решение суда первой инстанции. В частности, указал, что «добросовестные, независимые акционеры, которые обладали собственными разумом и волей, не были только марионетками. В строго правовом смысле коммерческую деятельность, возможно, нужно было рассматривать как деятельность компании; но, если бы у присяжных спросили: «Чья это была деятельность?», они бы ответили: «Господина Саломона», и были бы правы, если бы имели в виду, что выгодоприобретателем был он. Суд далек от того, чтобы утверждать, что кредиторы компании могут подать на Аарона Саломона в суд. Они могут добраться до него только через компанию. Схема господина Саломона – средство обмана кредиторов» [13].

Решением палаты лордов решения суда первой и второй инстанции были отменены решением всех пяти судей, не было ни одного воздержавшегося.

Палата лордов решила: компания обладает собственной юридической правоспособностью и имеет некую «корпоративную вуаль», соответственно, она должна рассматриваться как отдельный субъект, а суд не может снять эту «вуаль» по каким-либо причинам.

Один из судей палаты лордов высказал мнение: «У нас только два варианта: либо мы рассматриваем юридическое лицо как отдельный субъект правоотношений, либо нет. Но мы рассматриваем компанию как нечто отдельное, а решения судов первой и второй инстанции, указывающие на попытку мошенничества со стороны Аарона Саломона, являются непредусмотренной законом попыткой снять "корпоративную вуаль"» [13]. Позиция

судей палаты лордов основывалась на «теории фикции» юридического лица.

Кроме того, в рамках рассматриваемого дела судьей палаты лордов было отмечено следующее: «Что такого, если мистер Саломон воспользовался правами, которые ему даны по закону, факты дела не свидетельствуют о мошенничестве» [13]. Стороны, которые покупали акции этой компании, не были обмануты, поэтому никто не вводил их в заблуждение. Следовательно, они наивно думали о том, что если они покупают акции компании, то они станут кредиторами непосредственно Аарона Саломона.

Однако в разрез с позицией суда палаты лордов судебное сообщество предложило мнение о том, что решение судей ужасающее и что нужно считать юридическое лицо маской для прикрытия другого субъекта, т. е. не отдельным субъектом гражданских правоотношений.

Стоит отметить, что господин Саломон судился очень долго, умер бедняком, но его бизнес до сих пор развивается.

Вышеуказанное дело получило роль судебного прецедента.

Еще одним ключевым делом, подтверждающим тезис о том, что английские суды не склонны применять доктрину «снятия корпоративной вуали», является дело VTB v Nutritek (2013) [12].

Согласно материалам дела, банк VTB Capital plc, английская «дочка» российского банка ВТБ, выдал российскому ООО «Руссагропром» кредит на 225 млн долларов для покупки российских молочных заводов. При этом сами заводы были переданы в залог банку. Продавцом заводов была офшорная компания Nutritek International Corp., контролируемая российским предпринимателем М. Кредитный договор содержал пророгационную оговорку, согласно которой все споры по договору передавались на рассмотрение английских судов. Через год Руссагропром прекратил платежи по кредиту, и банк обратился в Высокий суд. Банк потребовал, в частности, привлечь в качестве соответчиков российского предпринимателя и контролируемую им офшорную компанию («Нутритек»).

Судья первой инстанции высказался в пользу принципа «частного характера договора», который не может быть поколеблен док-

триной «снятия корпоративной вуали». Суд отказался признать российского предпринимателя стороной договора, заключенного контролируемой им компанией.

Высокий суд счел достаточным установить, что если доктрина «снятия корпоративной вуали» в английском праве действует, то она не распространяется на договорные обязательства.

Таким образом, указанные решения судов демонстрируют их желание отказаться от применения принципа ограниченной ответственности юридического лица абсолютно во всех случаях, т. е. судебные решения сфокусировали внимание на случаи, когда возникла необходимость расширить список ответственных лиц.

Для характеристики использования доктрины «снятия корпоративной вуали» необходимо рассмотреть примеры тех судебных дел, где суды применяют указанную доктрину.

В Законе о компаниях от 2006 г. существует положение, согласно которому материнская и дочерняя компании настолько сильно связаны, что суд рассматривает их как единый хозяйственный организм (Single economic unit) [11]. Однако в постановлении по делу Adams v Cape Industries Plc (1990) судья отметил: «При разрешении дел, за исключением тех, которые опираются на формулировки нормативно-правовых актов или договоров, суд не может игнорировать принцип, установленный в решении по делу «Саломон против Саломон энд компани», только на том основании, что этого требует справедливость. Хорошо это или плохо, но наш закон признает создание дочерних компаний, которые, хотя и являются в определенном смысле порождениями своих материнских компаний, должны тем не менее рассматриваться по общему правилу как самостоятельные юридические лица, обладающие всеми правами и несущие все обязанности, которые обычно присущи самостоятельным юридическим лицам». Таким образом, не все суды принимают закрепленное в законе правило о «едином хозяйственном организме» [10].

Кроме того, Закон о компаниях устанавливает случаи, когда применяется доктрина «снятия корпоративной вуали»:

1. Если компания используется как мнимость или «фасад» во избежание ответственности [11].

2. В тех случаях, когда имеют место агентские отношения между материнской и дочерней компанией с прямым указанием в документах на такие отношения [11].

Следовательно, по мнению английских судов, владение контролирующим пакетом акций не является основанием для привлечения такого участника к ответственности.

Кроме того, английский суд не может снять «корпоративную вуаль» лишь потому, что это, по его мнению, соответствует интересам правосудия.

«Корпоративная вуаль» может быть снята, только если имеет место недобросовестность (*impropriety*), но она должна быть связана с использованием корпоративной структуры в целях избегания ответственности.

Для снятия «корпоративной вуали» необходимо доказать как наличие контроля, так и наличие недобросовестности, т. е. факт использования компании как «фасада» для сокрытия правонарушения.

Ввиду того, что англо-саксонская доктрина «снятия корпоративной вуали» принадлежит к так называемому «праву справедливости» (*equity*), это позволяет суду принять решение вопреки норме общего права из соображения справедливости.

Романо-германская система права не содержит общей нормы о «снятии корпоративной вуали», поэтому в российском праве, как отмечает И. С. Шиткина, рассмотренный механизм следует применять адресно, с осторожностью относясь к «размыванию» конструкции юридического лица [9].

В этой связи А. В. Габов выделяет самостоятельную юридическую ответственность как важнейший признак для успешного функционирования юридического лица [1. – С. 63].

По мнению Е. А. Суханова, «снятие корпоративной вуали» является «проникающей ответственностью», соответственно, он выделяет четыре вида такой ответственности:

1) «прямое» («подлинное») проникновение, согласно которому кредиторы компании имеют полное право на удовлетворение требований путем взыскания имущества лиц, контролирующих общество независимо от виновного характера их поведения;

2) «ненастоящее проникновение» – имеет распространение в делах о банкротстве. Лица, контролирующие общество, обязаны отвечать по долгам своей компании своим личным имуществом, если их действия привели к убыткам для компании и кредиторов (деликтная ответственность);

3) «поперечное проникновение» – основывается на том, что кредитор получает удовлетворение своих требований сразу от нескольких компаний, контролируемых одним и тем же лицом;

4) «обратное проникновение» – распространяется на случаи, когда кредиторы обращают взыскание на имущество участника компании, как правило, единственного [7. – С. 127].

Представляется, что при рассмотрении дел о привлечении к ответственности лиц, контролирующих общество, необходимо осуществлять данный подход с осторожностью, для того чтобы не наносить вреда устоявшимся договорным отношениям между субъектами имущественного оборота.

Следует пояснить, что законодательство Российской Федерации содержит лишь несколько случаев, когда участники общества лишаются привилегии ограниченной ответственности.

Во-первых, недавно введенная статья 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что лицо, уполномоченное выступать от имени хозяйственного общества, в случае возникновения по его вине убытков у общества обязано возместить их по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица. От ответственности освобождаются лица, голосовавшие против того или иного решения, которое привело либо могло привести к ухудшению деятельности общества, или, действуя добросовестно, отсутствовали на голосовании. Следовательно, любое соглашение, ограничивающее или вовсе исключаящее такую ответственность, является ничтожным [2].

Во-вторых, в статье 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что дочернее общество не отвечает по долгам основного хозяйственного товарищества или общества. Основное хозяйственное товарищество или общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключен-

ным последним во исполнение указаний или с согласия основного хозяйственного товарищества или общества, за исключением случаев голосования основного хозяйственного товарищества или общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества [2].

В-третьих, статья 10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», закрепляющая ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве, устанавливает: «Если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих должника лиц, такие лица в случае недостаточности имущества должника несут субсидиарную ответственность по его обязательствам» [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основанием для привлечения к ответственности лиц, контролирующих деятельность общества, является наличие в их действиях недобросовестности или злоупотребления правом. Ввиду того, что для имущественного оборота важно соблюдение его участниками «принципа добросовестности», стоит привести характеристику противоположных категорий, а именно «недобросовестности» и «неразумности» в поведении лиц, контролирующих деятельность общества, которое представил Высший арбитражный суд в Постановлении от 30 июля 2013 г. № 62.

В частности, в качестве недобросовестного поведения Высший арбитражный суд Российской Федерации относит:

1. Принятие решения без учета известной информации, имеющей значение в данной ситуации.

2. До принятия решения не предпринималось действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации.

3. Совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном

юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т. п.) [4].

Также, Высший арбитражный суд РФ указал, что добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством. В связи с этим в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т. п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора.

В качестве пояснения позиций судов по вопросу применения элементов доктрины «снятия корпоративной вуали» можно привести материалы дела Постановления Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11.

Согласно материалам дела, Парекс Банк (Латвия) обанкротился и был национализирован, некий вкладчик (по совпадению бывший владелец банка) уступил российской организации право требования к банку по депозиту в 11 млн лат. С учетом того, что указанный банк действовал на территории Российской Федерации через аффилированные организации, важно было установить право российского суда на рассмотрение данного дела.

Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации счел доказанным факт наличия у ответчиков «представительств» на территории Российской Федерации, основываясь на использовании принципа «срывания вуали».

В частности, Высший арбитражный суд указал: «Предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации осуществляют именно ответчики, используя аффилированных лиц (доктрина «снятия корпоративной вуали»)» [6].

Еще одним примером, иллюстрирующее отступление от принципа ограниченной ответственности юридического лица является

дело, рассмотренное Верховным судом Российской Федерации № 305-ЭС15-14197 от 31 марта 2016 г. Из материалов дела следует, что общее собрание назначило нового директора, который вскоре продал все активы общества (акции банка) за бесценок. Конечный бенефициар, не являющийся, однако, акционером общества, оспорил решение собрания о назначении директора. Нижестоящие суды отказали в иске, сославшись на то, что истец не доказал своей заинтересованности. Верховный суд вернул дело на новое рассмотрение, указав, что бенефициар имеет охраняемый законом интерес в сохранении активов общества. По закону ничтожные решения (принятые без кворума или с превышением компетенции) могут быть оспорены любым лицом, у которого нарушен охраняемый законом интерес [3].

Следует отметить, что Верховный суд РФ в Постановлении Пленума № 25 от 23 июня 2015 г. высказал позицию по вопросу привлечения к ответственности контролирующих лиц, указав на то, что суды должны принимать во внимание тот факт, что статус кон-

тролирующего лица сам по себе не свидетельствует о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности [5].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать выводы:

1. Представляется нецелесообразным применение в Российской Федерации доктрины «снятия корпоративной вуали» согласно модели, используемой в англо-саксонской системе права, так как возникает угроза разрушения принципа ограниченной ответственности юридического лица.

2. Важно выработать единые критерии для определения понятия «контролирующее лицо».

3. Целесообразно закрепить основания для привлечения к ответственности контролирующих лиц с учетом автономности юридического лица, но обеспечивая при этом соблюдение прав кредиторов.

Список литературы

1. Габов А. В., Гутников О. В., Доронина Н. Г. Юридические лица в российском гражданском праве. – Т.1. – М.: Инфра-М, 2015.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017). // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Определение Верховного суда РФ от 31 марта 2016 г. по делу № 305-ЭС15-14197, А40-104595/2014.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. – 2013. – № 31.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11 по делу № А40-21127/11-98-184 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 10.
7. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2004.
8. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
9. Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. – 2013. – № 2. – С. 25–26.
10. Adams v Cape Industries plc (1990). – Ch. 433.
11. Companies Act 1985.
12. VTB Capital Plc v Nutritek International Corp & Ors (2011) EWHC 3107 (Ch).
13. Solomon v. Solomon & Co. (1897) AC 22.